

**Дмитрий
САЗОНОВ***г. Гомель,
Беларусь***В ГОСТЯХ
У Ф.М.***рассказ***Гостеприимный хозяин**

Никита работал в одной из московских литературных газет. Однако редактирование пустых статей и очерков на давно заезженные темы не привлекало его амбициозный ум. Просиживая долгими зимними вечерами за письменным столом, он часто мысленно уплывал в миры своих грёз, связанных, в первую очередь, с собственным творчеством. Нередко представлялось ему, как кто-то другой точно так же будет сидеть, переосмысливать созданные им бессмертные литературные произведения. Размышлений и порывов было много, но они так и не увенчались чем-то конкретным, что можно было бы представить на суд широкой публики.

Так продолжалось четыре года, с тех самых пор, когда полный энтузиазма Никита, едва окончив литинститут, пришёл трудоустроиваться. Сотни бессмысленных заметок на последней странице «родной» газеты и никаких перспектив на будущее... А как же ему хотелось хотя бы раз увидеть своё фото на обороте толстой книги с замысловатой обложкой! Тем более хотелось этого ещё и потому, что наружностью Никита вышел хоть куда. Его физиономия, казалось, только и создана для обложек книг и глянцевого журналов.

Он жил в пятнадцати минутах ходьбы от редакции. Снимал небольшую комнатку у забытого родственниками и друзьями старого скряги. Старик был немногословен и незаметен в квартире, обозначал своё присутствие лишь один раз в месяц — в день выплаты аренды. Стремящемся к уединению Никите нравилось это качество хозяина — не навязывать своё общество постояльцам. И здесь, в этой маленькой комнате, ничем не обеспокоенный жилец вновь и вновь устраивал мечтательные заплывы в ясное озеро творческой мысли, пока какие-нибудь естественные потребности не возвращали его на берег. Всякий раз эта временная гавань оказывалась чуждой его «животрепещущей» натуре. В такие моменты на Никиту девятым валом нахлынивала мрачная меланхолия. Перебороть себя и приняться наконец за что-то было для него непосильно. Всплывающие манящими буйками в воображении образы казались хорошими настолько, насколько отвратительно выглядит болото действительности, в которое он возвращался.

Такая вот беспросветность преследовала его несколько последних лет, пока... Надежда спасательным кругом для утопающего всплыла там, откуда Никита меньше всего ожидал.

В начале октября в один из немногих солнечных дней Никита по обыкновению сидел в редакции за своим рабочим столом и глядел в окно, точнее сказать, купался взглядом. Вокруг него легким бризом витал приятный фруктовый аромат, исходящий от чашки с крепким зелёным чаем. Припоминалось лето, тёплые и беззаботные деньки.

За окном по уложенному плиткой тротуару шёл невысокого роста человек, одетый в длинную, свисающую почти до колен, куртку. В одной руке он нёс белый целлофановый пакет, а в другой... В другой руке его был шнур, на конце которого свисала контактная вилка. Провод выходил из остова импортного пылесоса с большими колёсами. Таким вот образом с помощью шнура незнакомец катил за собой причудливую «игрушку». Детство не кончается никогда! В некотором роде и для Никиты оно по-прежнему продолжалось, только неосознанно. Не случайно психологи говорят, что в каждом человеке живет его внутренний ребенок...

Вдруг кто-то подёргал Никиту за плечо, но сразу он не обратил внимания. «Стоп!» — наконец с усилием взял себе в руки Никита и обернулся. Перед ним стоял заместитель главного редактора с крайне неодобрительным выражением на лице.

— Ты что? Спишь на работе, что ли? — укоризненно спросил зам. — Зайди ко мне после обеда, поговорить нужно. Как закончишь — сразу зайди. Долго ждать не буду. — И, развернувшись, с той же недовольной миной начальник ушёл.

«Снова будет мозги промывать. Сколько можно? То не так, это не этак! Взял бы да и сам написал, нет ничего проще. Ладно, надо сходить, а то я и так здесь на птичьих правах», — примерно с такими мыслями Никита допил чай и отправился на аудиенцию. Постучав три раза в деревянную дверь с надписью «Заместитель главного редактора», он услышал строгое «входи!».

— Присаживайся. Разговор деликатный... — Никита присел. Юрий Сергеевич, так звали его начальника, собрав кипу бумаг, спрятал её в стол и продолжил: — Наша газета переживает сейчас

кое-какие трудности, в основном финансовые... Учреждение бюджетное, сам понимаешь... У нас ведь как — встречают по одежке, а провожают без неё. Короче говоря, из-за сокращения финансирования мы вынуждены сократить штат.

— Кто попадает под сокращение? — нервно подрагивая, спросил Никита, понимая, к чему ведёт Юрий Сергеевич.

— Конечно же, в первую очередь это молодые и неопытные сотрудники. Я не говорю о тебе лично. Кроме тебя, у нас таких хватает. Выбор сложный. В общем, главред предложил провести среди вас что-то вроде экзамена на профпригодность. Ясно, да? — Зам выдержал паузу. — Даже не то чтобы экзамен... Сейчас объясню, ты просто слушай и всё поймёшь. Каждому из вас будет выдано конкретное задание, которое нужно будет выполнить в отведённый срок. Отбор простой: кто качественнее выполнит свою часть работы, тот и сохранит место. — Зам немного помолчал, как бы выдумывая ещё что-то. — Что касается тебя... Какие шансы... Молодых сотрудников у нас четверо, двоих мы сократим. Двух лучших оставим. Ясно, да? — Никите ничего не оставалось, как кивнуть в ответ. — Теперь — к заданию. Через месяц исполняется сто девяносто лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. Разумеется, наша газета не может не откликнуться на это событие хотя бы одной статьёй. Что от тебя требуется? — Юрий Сергеевич вопросительно поглядел на Никиту. — Необходимо написать нетривиальную статью о жизни и творчестве Фёдора Михайловича. Не переливать из пустого ведра в порожнее, как это часто делают в таких случаях. Работа должна быть оригинальной! Это самый первый критерий. Можно поискать неизвестные факты из биографии, какие-то письма и т.д. Сам разберёшься, теперь это твоя задача.

— Через месяц статья нужна? — уточнил Никита, собираясь уже покинуть кабинет.

— Через месяц она уже должна лежать у меня на столе в окончательной редакции, — веско ответил зам. — Ясно, да? погоди, погоди, ещё не всё. Я распечатал тебе один проспект, вот взгляни, — начальник протянул ему отпечатанный лист. — В Петербурге на следующей неделе будет проходить литературный вечер, посвящённый твоей тематике. Ясно, да? — опять вставил он свою

присказку. — Тебе очень повезло. Мы собирались отправить туда человека, завезти кое-какие бумаги. Ты их и отвезёшь, заодно и вечер посетишь. Ясно, да? Газета командировку оплатит. Организационными вопросами займётся секретарь. Билеты и адрес гостиницы у неё потом возьмёшь. Ясно, да? — Никита утвердительно кивнул головой. — Сейчас всё в твоих руках. Напишешь хорошую статью — останешься, плохую — не взыщи. Теперь иди. Удачи!

Переваривая инструктаж, Никита вышел из кабинета зама в приподнятом настроении. Несколько минут назад он получил самое, по его мнению, важное и интересное задание в своей жизни. Статья должна быть оригинальной, сказали ему, а это открывает безграничные возможности для того, чтобы в полной мере проявить себя. На радостях он даже сбегал в ларёк за углом и купил секретарше шоколадку.

Завтра около часу ночи Никита разместится в уютном купейном вагоне поезда «Москва — Санкт-Петербург». Он бывал в Питере лишь однажды — тогда ему было всего двенадцать лет, поэтому сейчас плохо припоминался город с его достопримечательностями. От этого будущая поездка представлялась ещё увлекательнее и таинственнее. перевозбуждённый, как ни старался, в ночь перед отъездом уснуть не смог.

В девять часов утра Никита вышел из здания Московского вокзала на Площади Восстания. Слева шумел Лиговский проспект, а прямо его взору открылась панорама Невского. Изучив на телефоне электронную карту, Никита решил пройти до квартиры в Кузнечном переулке пешком, через Невский проспект. Времени было много, и он не спеша направился по питерским проспектам, с любопытством и наслаждением глаза по сторонам.

Не прошло и получаса, как он оказался возле двери, над которой висела табличка «Музей Ф.М. Достоевского». Зайдя в здание, внизу он приобрёл себе магнит с изображением рабочего кабинета писателя и значок с надписью «Идиот. Ф.М. Достоевский». Затем, зарегистрировавшись в качестве участника литературной конференции, отправился разыскивать ту гостиницу, в которой щедрой редакцией газеты для него забронирован номер. Гостиница рас-

полагалась на Загородном проспекте, по петербургским меркам, совсем недалеко от музея. Предложенный ему номер стоил всего полторы тысячи рублей за ночь. Никите предстояло провести в Питере три ночи.

Несмотря на то что в названии конференции фигурировали слова «литературный вечер», начиналась она в десять утра. Ночью накануне конференции, в отличие от бессонной ночи в поезде, Никита спал крепко. По-видимому, сказались продолжительная пешая прогулка во время осмотра города. Ровно в девять пятьдесят, взбодрённый и полный энергии, он уже стоял на первом этаже музея, у того самого киоска, в котором давеча покупал памятные сувениры. Его несколько удивило увиденное, в холле было совершенно пусто и тихо, никакого движения и никаких голосов. Даже продавца не оказалось в сувенирной лавке. «Такое мероприятие, и нет никого. Я один здесь, что ли? Странно. Тишина. Пора наверх». Поразмыслив так несколько секунд, он поднялся ко входу в квартиру.

Дверь была закрыта, но не заперта. Никита потянул за ручку — в его лицо пахнуло тёплым воздухом, разбавленным запахами приготовляемой пищи и ароматом жжёных смолистых дров. В передней — никого, однако из глубины жилища доносятся какие-то шорохи. Перешёл в гостиную. И тут Никита едва не потерял не только дар речи, но и рассудок. На диване у журнального столика сидел сам хозяин квартиры, держа в руке дымящуюся папиросу, произведённую на табачной фабрике общества «Лафермъ». Вначале ему показалось, что всё это некая театральная постановка, но главный «актёр» — точная копия Достоевского, Фёдор Михайлович точно такой же, каким выглядит на раритетных фотографиях. Никита молчал, увиденное будто парализовало его.

— Вы ко мне? — спросил Фёдор Михайлович и стряхнул пепел. Никита неуверенно кивнул головой в ответ. — Что же вы стоите, присаживайтесь! — Никита всё стоял. — Ради бога, голубчик, ради всего святого, присядьте. — Достоевский встал и проводил его до дивана. — Теперь хорошо. Так положительно лучше, — заключил автор «Братьев Карамазовых».

Молчание длилось довольно долго. Великий

писатель спокойно курил, а его гость пытался хоть как-нибудь настроить свои мысли.

— Отчего вы молчите? — Достоевский помолчал, рассматривая Никиту. — Какое странное вы носите платье... В сущности — это безобразие... Вы не представились, мой дорогой друг.

— Я... Никита меня зовут.

— А по батюшке как зовётеесь?

— Андреевич. Никита Андреевич. — Никита не мог для себя уяснить, как воспринимать происходящее, как вести себя.

— Не надо тушеваться, дорогой Никита Андреевич. Я прекрасно знаю, кто вы и как вы оказались здесь у меня. Не упорствуйте, а то ведь иначе разговора у нас с вами совсем никакого не выйдет. А между тем поговорить нам непременно нужно. Этого разговора никак избежать нельзя. Другого такого случая не будет. Немного нынче вас ко мне заходит, а те, что гостят, один вздор рассказывают. Сущий вздор.

Никита ощущал себя абсолютно растерянным, не зная, что сказать и как.

В комнату вошла Анна Григорьевна Достоевская. На ней было тёмно-серое тёплое платье с белым кружевным воротником.

— Милочка, Анечка, — обратился к ней Достоевский, — подай, голубушка, чаю нашему гостю. С улыбкой на лице Анна Григорьевна вышла из комнаты.

Когда чай был подан, молодой редактор маленькой газеты решил: «Что бы это ни было, фарс или реальность, стоит начать интервью». Осмелев немного от этой мысли, он приступил.

— Фёдор Михайлович, расскажите мне, пожалуйста, о вашем творчестве. Как к вам приходят образы героев?

— Нечего мне вам рассказать, любезный Никита Андреевич. Положительно нечего. И вопрос ваш, вы извините меня любезнейше, я считаю совершенно праздным.

— А... Простите... — Никита никак не мог подобрать новый вопрос. Ответ писателя его озадачил. — Как же вы пишете свои произведения?

— Я более не пишу, как вы выразились, «произведений». Видите ли, многотимый Никита Андреевич... Когда я закончил заниматься литературой, то обрёл нечто новое, нечто значительное. Скажу прямо: что такого непостижимого нашёл я, не объясню, ибо способности такой не имею. —

Достоевский сделал большую затяжку и, выдыхая целую галактику дыма, повернулся на диване. — А газетёнка у вас скверная. Сквернейшая! Такой дичи я в жизни не читал. Однако к вам я испытываю самое искреннейшее моё почтение. Но прошу вас, не терзайте меня вашими чудовищными вопросами о жизни моей и моих трудах. И снова я повторю: ничего особенно нового не могу вам поведать. Всё, что требуется, и всё, что хотелось мне высказать, написано в моих романах, повестях и прочая. Дневник ещё перечтите.

— Но я... Пользуясь случаем, а вы?.. Как же мне... — негромко бормотал Никита что на ум взбрело.

Фёдор Михайлович изумлённо посмотрел на мямлящего гостя. На лице классика читался вопрос — «не помешан ли этот молодой человек?».

— Я решительно не понимаю вас! Каким образом вы хотели писать обо мне, когда меня-то и нет давным-давно. У меня от статей ваших братьев по перу несварения делаются. А вообще, вам следует с «ними» переговорить, от этого, право, проку больше выйдет.

— Спасибо... Спасибо вам, Фёдор Михайлович... Я... Пойду я уже. Извините за беспокойство... — Пятась к выходу, Никита мельком заглянул в окно и увидел, как по улице проезжает извозчик. В коляске сидит почтенный господин в цилиндре и с тросточкой в руке. У фонаря копошится дворник. Увиденное нисколько не придало ясности тому, что происходит.

— Ступайте, голубчик! — бросил вслед Никите Фёдор Михайлович. — Крепко поразмыслите над тем, что я вам говорил. Завтра же приходите в три часа пополудни да и сами с «ними» обсудите всё и исследуйте. Это вернее будет. Всего самого доброго вам, Никита Андреевич. Анна Григорьевна, проводите Никиту Андреевича.

Никита оказался на лестнице, которая уготовила ему ещё один сюрприз. У входа в квартиру тут и там стояли интеллигентного вида люди и с умными лицами обсуждали разные литературоведческие вопросы, связанные с творчеством того человека, что жил в этом доме лет сто тридцать тому назад.

Никита вновь открыл входную дверь — хозяин, его супруга, уютная обстановка и приятные запахи, всё исчезло. Выбежав на улицу, Никита принялся жадно осматривать окружающие предме-

ты. После осмотра он заключил — на дворе двадцать первый век. «А что тогда произошло там, в квартире? Какая-то фантастика. Кому скажи, подумают того, умом тронулся! Завтра в три. Нет. Чушь! Чепуха. И что там будет в три? Белиберда. Короче, сейчас в гостиницу. Надо обдумать всё. Чувствую, статья выйдет гениальной!» — рассудив так про себя и слегка отдышавшись, Никита пошёл к Загородному проспекту.

Инок?

Весь вечер и всю ночь будущего автора «гениальной» статьи мучил один непростой вопрос: стоит ли идти завтра в Кузнечный переулок? Гипотезы и предположения являлись в голове у Никиты самые разнообразные. На обработку всех этих мыслей ушла почти целая ночь. Заснуть ему удалось лишь под утро.

Проснувшись в одиннадцать часов, Никита окончательно решил идти. Что бы и как бы там ни было, а сходить он обязан. Возможно, удастся узнать ещё что-нибудь, кроме вчерашних пространственных объяснений писателя.

В три часа Никита очутился на первом этаже музея. Сувенирная лавка заперта. Не медля, он стал подниматься по лестнице. Пройдя всего один пролёт, столкнулся с каким-то человеком в сером сюртуке, какие носили в девятнадцатом веке. «Началось! Опять!» — подумал Никита и поднял глаза на незнакомца.

— Извините, Никита Андреевич. Извините ради бога. Входите, брат Алёша уже ждёт вас, — скороговоркой выпалил человек в сюртуке и сбежал вниз.

«Иван или Дмитрий? Дмитрий или Иван?» — не мог определить Никита. «А может, я и в самом деле «того»?.. Какие братья Карамазовы? На лестнице? Здесь, в этом доме, в городе Санкт-Петербурге, в наше время? Когда вернусь в Москву, схожу к психиатру...» — скакали мысли одна за другой в голове.

Дверь квартиры распахнулась. Всё как вчера. Войдя в гостиную, Никита застал там медленно прохаживающегося молодого человека в чёрной рясе. Было совершенно ясно, что это Алексей Карамазов. Уж больно явственны приметы.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Алексей, указывая рукой на диван. — Я получил письмо

от отца, в котором он извещал, что вы придёте.

— От отца? — Никита теперь не стеснялся и совсем освоился в этих чудесах. Вчерашнее остолбенение как рукой сняло.

— Да, вы правы, от отца, — заключил Карамазов и со стеснением на лице присел рядом с Никитой. — Ах да! — воскликнул он. — Простите мою память. Вы, верно, не так меня уразумели. Мы называем отцом Фёдора Михайловича.

— Фёдора Михайловича? А как же Фёдор Павлович Карамазов? Мне казалось... — недокончив, оборвал фразу Никита.

— Фёдор Михайлович наш единственный и подлинный отец, — благоговейно объяснял Алексей. — Все прочие — это только фантомы, которых он выдаёт за наших родителей.

— Вы всегда говорите во множественном числе: «мы», «наш». Что это значит? Кто такие «мы»? Я вас не понимаю. — Сейчас Никита понял, что от «них» действительно можно узнать значительно больше, чем от того, кто их создал.

Алексей прислонился к подоконнику и с минуту наблюдал за гостем.

— «Мы» — это его дети. Вы читающий человек, Никита Андреевич?

— Смотря что вы под этим подразумеваете, — быстро отчеканил Никита и устался на своего собеседника. Он силился уловить самые мельчайшие изменения в лице Карамазова.

— Книги читаете? Отец написал много книг, в том числе и обо мне. Я оказался одним из последних его сыновей.

— Читаю. Во всяком случае, о вас читал, — поправился Никита.

— Как хорошо, — светлая улыбка озарила тонкий лик Алексея и пропала без следа, — а то ведь я уже начал бояться затруднений. «Мы» — это герои его, персонажи негленных рукописей. Отец обрёл нас на вечное сиротливое существование. Теперь он нас покинул.

— В вашем голосе как будто бы обида? — спрашивал Никита, глядя на удлинённый овал лица Алексея. Блестящие темно-серые глаза его вдруг как будто потухли от печали.

— Не так я задумывал свою жизнь. Я просил и умолял его на коленях, молился без памяти, когда он был ещё жив. — Алексей ещё больше помрачнел. — Вы и помыслить не можете, какая духовная сила была во мне. Великая реши-

мость! — горячо твердил раскрасневшийся Карамазов. — Он меня не понял и был строг. Говорил, что всякому свой крест нести надобно, дескать, мой им предопределён.

— А как вы задумывали? — Никита попытался было встать с дивана и подойти к Алексею, но передумал.

— Постричься в монахи. Старец Зосима был для меня светом, — упомянув Зосиму, осветлели и глаза Алексея. — Но отец решил и за него, и за меня. И вот я мирской. Не место мне здесь. Мы все разлучены. Одними только письмами сообщаемся.

— Братья ваши... — Никите стало жаль одинокого Алексея. — Их-то вы видите? Встречаете?

— Вижу, однако же они меня не видят или не желают видеть, — в голосе Карамазова звучала горечь и боль. — Дмитрий, как с каторги вернулся, совершенно помешался. Говорит: «Смердяков — подлец, убью его». Я говорю ему: «Брат Дмитрий, это отец с тобой так управил. Ты напрасно на Смердякова ропщешь», а он и слушать не желает. Всё запуталось у нас, — Алексей с отчаянием махнул рукой.

У Никиты накопилось столько вопросов, что он мешкал, когда хотел выбрать хоть один из них, поэтому в комнате иногда повисало молчание, но длилось оно недолго.

— Где же вы все находитесь? Где вы живёте? — наконец спросил он, желая проникнуть в тайну рождения великого романа.

— Я не умею ответить на ваш вопрос, — бесстрастно ответил Алексей. — Осмыслением нашего бытия занимается Родион Романович. Говорят, он даже с Фёдором Михайловичем лично встречается. Отец всё познал и во всём прозрел, а Раскольников его ученик верный. Впрочем, может, вовсе и не так. Мне брат Иван рассказывал...

— Пойдите, пойдите, Алексей Федорович! — перебил Никита, ухватившись за упоминание Родиона Романовича. — Как же мне Раскольникова найти? Где можно встретиться с ним?

Алексей, сцепив длинные тонкие пальцы, на мгновение задумался, а потом предложил:

— А вы письмо напишите ему, а к письму призовокупите измышления свои о сущем, может быть, он и примет вас. Родя мало времени имеет для встреч, однако не гнушается учёной беседы. Статьи писать он бросил совсем, только думу ду-

мает и нам велит пути свои искать. Кто путь найдёт, тот и слова переменить способен. В словах наша жизнь. Они врезаны в нас, и мы слуги и рабы их. Это его слова, Фёдора Михайловича.

— Что же мне написать? Я не знаю! — сокрушался Никита, ощущая, что теряет возможность повидать самого Раскольника. В целом же происходящее казалось ему сумасшествием, хотя и выглядело вполне реально.

— Напишите сначала, кто вы и кем служите, — подсказал Алексей и светло улыбнулся. — Какие вопросы и просьбы к нему имеете, напишите.

Карамазов вышел из гостиной. Вернулся с листом бумаги и стальным пером. Положив все эти предметы на стол и проверив, есть ли чернила в чернильнице, Алексей пригласил Никиту писать. Никита раздумывал над чистым листом около четверти часа, затем меньше чем за минуту исписал весь лист с одной и с другой стороны. После чего подал его Карамазову и попросил прочесть.

Алексей Фёдорович заключил, что письмо вышло замечательное.

— Я у себя его оставляю, к вечеру снесу куда надобно. Искренне верую, что Родя вам не откажет.

— Спасибо вам. Не знаю, что бы без вас делал, — благодарил Никита.

— Что вы, сушие пустяки. — Алексей помолчал. — Я прошу вас извинить меня, но мне пора прочесть молитву.

— Да-да, конечно. Только вот... Как я узнаю, во сколько и куда мне идти, если Родион Романович будет согласен на встречу? Тут как бы... — Никита не нашёлся, что сказать после своего неуместного «как бы», и попросту замолчал.

— Он вам напишет. Вы в Загородном остановились?

Никита утвердительно кивнул. В этот момент у него по какой-то неясной причине задергалась правая рука.

— Ждите ответ к вечеру. Прощайте, Никита Андреевич.

— Всего доброго!

Карамазов вышел из комнаты и исчез из квартиры.

«Чего вы здесь сидите? Посетителям нельзя сидеть на этом диване. Где ваш билет?» — яростно набросилась на Никиту появившаяся вдруг в

комнате служительница музея. Наш герой вскочил на ноги и побежал прочь. Он всегда странно реагировал на трансформации в обстановке, особенно, если они происходили с людьми.

Вечер, пробиравшийся сквозь окно в гостиничный номер, безжалостно топил мысли Никиты в океане сомнений. Никогда ещё он не чувствовал себя настолько разбитым — будто раздробленным на мелкие, никак не подходящие друг к другу частички. В голове его в эту минуту циркулировали лишь неясно очерченные призраки мыслей. В действительности же он не думал ни о чём. В такие моменты отчуждённости и полного непонимания происходящего он уходил в прошлое. Минувшее чаще всего было для него ограниченным набором запомнившихся в детстве образов. Обычно припоминался один случай...

Когда-то в шестилетнем возрасте, подойдя к окну в своей детской, Никита увидел словно выросшие из земли башенные краны. Ему захотелось взглянуть на них вблизи во что бы то ни стало. Завладевший им интерес обрушился на домашних лавиной просьб и упреков. Его мать в конце концов сдалась и разрешила ему сходить ненадолго «изучить» краны. Условия, поставленные перед ним, были категоричны. Мама достала из шкафа старый механический будильник и завела его так, чтобы он прозвонил ровно через полчаса после того, как Никита отправится на «экскурсию». Никите оставалось только принять от неё маленький пакетик, в который мама уложила будильник, и бежать к месту стройки. По звонку он обязан был немедленно возвращаться домой. Почему ему врезался в память именно этот эпизод? Потому, видимо, что подобная практика, когда ему необходимо было отлучиться со двора, применялась до его двенадцатилетнего возраста. За его оригинальную ношу сверстники прозвали его Будильник. Кличка, впрочем, не прижилась.

Полный приятных воспоминаний, Никита уснул.

Казалось, что право имею...

Рано утром голосящий будильник бесцеремонно вырвал Никиту из объятий сна. Поднявшись, он первым делом побежал на рецепшн

гостиницы, в которой остановился. Администратор, улыбаясь, вынула из небольшой коробки, стоящей возле телефона, конверт.

— Доброе утро! Это вам. Вчера вечером пришло.

— Спасибо! А вы не запомнили того, кто принёс письмо? — взволнованно спросил Никита, разглядывая незнакомый конверт.

— Извините, но нет. Вчера здесь работала другая девушка, — равнодушно ответили ему.

Озабоченно покачав головой, Никита скрылся в лифте.

Конверт не был запечатан и не имел никакой информации об отправителе. Да и отправлен он не через почту. Его просто кто-то принёс.

Развернув сложенный вдвое белый лист, Никита прочёл — «Жду Вас сегодня в два часа пополудни. Р.Р.». Сердце его учащенно забилось, предвкушая встречу. Взглянув на часы, Никита опечалился — до двух часов ещё очень далеко, он решил попробовать немного вздремнуть.

14:00. Кузнечный переулочек. «Он» сидит на том же диване, на котором восседал позавчера его создатель. Ничему уже не удивляющийся Никита смотрит на него в упор, чтобы навсегда запомнить это почти что историческое, пусть и вымышленное, лицо. Родион Романович спокоен и почти не реагирует на вперившийся в него взгляд. И вообще, вид он имеет грозного, никогда не ошибающегося пророка, который и так знает, что, как и когда скажет ему его гость.

— Вы, стало быть, за разъяснениями ко мне прибыли? Так ли? — оборвав повисшее молчание, проговорил Раскольников, обращаясь к Никите.

— Да. Алексей Карамазов сказал, что вы «всё» знаете, — торопливо подтвердил он.

— Что ж, некоторыми из ваших претензий я вынужден манкировать, а в остальном... Извольте-с слушать. — Противоречивый герой «Преступления и наказания» замолчал, будто выстраивая в голове будущую речь. — Вы, верно, хотите знать, кто «мы» и как оказались здесь, у Фёдора Михайловича? Стало быть, желаете, чтобы я поведал, где мы все обитаем? — Он снова немного помолчал. — А не боитесь?

— Нет. Не боюсь! — излишне горячо заверил Никита.

— И я «тогда» не убоюсь, а после и разумение займел. Может, и вы, того... Разуменье займете? А? — Раскольников пристально, цепко изучал глазами Никиту. — Ладно, не глядите на меня так. Расскажу вам, в меру понимания моего. Вы, наверно, думаете, что «мы» — люди, составленные из букв — живём в вашем мире? Ан нет! Это «вы», если хотите, гостите в нашем уголке! Мы фантомы для вас, но ведь всякий из нас родился от ваших пороков и добродетелей, а стало быть, я и Алёша и прочие существовали до вас, «разумных». Фёдор Михайлович не создавал нас, как считают все мои собраты. Он просто открыл нас для вашего ограниченного ума. Так вот, Никита Андреевич. Не обессудьте.

— То есть как это? Вы реальные, а мы нет? — Никита был в легком замешательстве.

— Почти так, — согласно кивнул Раскольников и скрестил на груди длинные руки. — Я это в остроге осмыслил. Ко мне туда Фёдор Михайлович приходили ежедневно и всё страдали со мной. До последней капли выстрадали каторгу. Иначе никак не открыть ему нас. Всё вздор. — Раскольников поднялся с дивана и начал расхаживать по комнате. — А я ведь взбунтовался! Открылся и взбунтовался. Он меня взял, да и в острог, чтобы «прозрел ты да просиял», как он мне сказал затем. И прозрел, и просиял. Теперь вот с вами здесь... А если я «есть» и вы «есть», стало быть, кого-то же из нас нет! Я вам точно говорю: вы живы, потому что мы живы! Никак иначе. — Прекрасные темные глаза Родиона Романовича на бледном лице лихорадочно заглялись.

— Но... — с сомнением в голосе начал Никита. — Почему же всякий встречный на улице не видит вас, если вы «есть»?

— Вопрос не оригинальный! — Раскольников по-прежнему задумчиво отмерял шагами пространство комнаты. — Как же-с вам нас увидеть, коли мы совершенно в ином мире живём. И понять его, мир этот, никак нельзя-с. Пока сами не откроете одного хотя бы жителя, не проникнете да не изучите. Там домов таких и проспектов нет, да и не требуется. Непривычен он вам будет и чужд, стало быть, пока житель к вам не явится собственной персоной и не научит вас быту нашему. И переиначить его невозможно. Можно только «новых» впустить к нам, а изменить невозможно.

— Всё равно, где же... — попытался вставить Никита, ловивший каждое слово.

— Мы обитаем там, где вдохновение сплетается с пороком. В сумерках и в кипах исписанной бумаги. Вы всё силитесь понять, а между тем сделать вы этого никак не сумеете, пока сами в переплетение не попадёте! И выстрадаете, и погибнете, а после снова воспрянете. Тогда только и «изучите!» — Раскольников, круто развернувшись от окна, пронизательно посмотрел на Никиту. — Фёдор Михайлович смог, однако же нам не распространяется. Я всего только и ведаю, что вам нынче сказал. А про бунт я вам так скажу — сидеть у холодной стены мудрее, нежели биться об неё головою. Стену едва ли пробьёшь, а лоб — наверно.

— Гм... — промычал Никита в замешательстве, уставившись на Раскольникова.

— Завтра Фёдор Михайлович будет, вы у него разведайте, как мы открываемся. Утром заходите, — последнее, что произнес голос Родиона Романовича, и в комнате повисла тишина.

Когда Никита поднял голову, в комнате уже никого не было. Стемнело. Он медленно поплёлся к выходу. Свет в музее не горел, входная дверь была все еще открыта.

Выйдя на улицу, Никита взглянул на экран мобильного телефона. Часы на нём показывали 21:35.

Они сами приходят...

Сумерки опустившейся на Петербург ночи расслабляли мозг молодого журналиста. Весь вечер он пытался выстроить в своей голове план будущей статьи. Не привыкший к такому плотному потоку на первый взгляд не связанной логически информации, Никита тщетно жонглировал возникающими утопичными мыслями. Из-за этого он долго не мог уснуть, а когда ему это всё же удалось, сон его напоминал ретроспективу девятнадцатого века.

Утром, шагая навстречу «неизведанному», Никита жадно вдыхал холодный воздух. Голова его настолько отяжелела, что, казалось, ноги едва справлялись с этой непомерной ношей. Мгновениями ему хотелось просто сесть на тротуар и не двигаться больше никогда. Сложно ли, невозможно ли, а все же он шёл;

перемещался, как ему казалось, в направлении своей славы.

Квартира писателя, как и прежде, оказалась незапертой. Никита осторожно вошёл и украдкой заглянул в гостиную. На столе, в пепельнице, выпуская из дыма причудливые фигуры, тлел окурочок папиросы. По всему выходило, что хозяин у себя. В тот самый миг, как гость подумал об этом, дверь в кабинет растворилась и в проёме показался одетый по-домашнему Фёдор Михайлович.

— Добрый день, уважаемый Никита Андреевич. Я, право же, вас устал дожидаться. Впрочем, не берите в голову. Располагайтесь, прошу вас! — Достоевский жестом указал Никите на диван, затем, немного помолчав, продолжил. — Родя вам давеча вздора всяческого наговорил, а вы смалодушничили да и поверили всему. Стыдно, почтеннейший Никита Андреевич. Стыдно!

Никита покраснелся от волнения, но приглашение хозяина квартиры принял — опустился на краешек уже хорошо знакомого дивана.

— Здравствуйтесь. Он... То есть Родион Романович мне сказал, что вы всё знаете и можете объяснить мне... — На Никиту вновь напало сильное смущение.

— Помилуйте, голубчик, да что же я вам объяснить-то должен, коли вы не спрашиваете ничего. Вы, верно, большой оригинал? — Федор Михайлович заулыбался и подвинул к себе стоящую на столе пепельницу. — Ну же, задавайте свои вопросы. Отчего вы всё молчите и молчите?

— Я... Это самое... — язык Никиты от волнения предательски спотыкался о каждое слово. — Расскажите мне, пожалуйста, как возникают ваши персонажи? В смысле... В творческом процессе.

— Никак, сударь мой, они не возникают. Сами обыкновенно приходят. Здороваются со мной и кланяются, — голос Федора Михайловича звучал спокойно, размеренно, будто говорил он о совершенно привычных ему вещах.

По лицу Никиты скользнула гримаса глубокого разочарования.

— Приходят?.. — Никита удивленно поднял брови.

— Разумеется. Конечно, приходят. Мне их доводилось встречать в самых неожиданных местах. Где, казалось, и помыслить нельзя было их существование. Обоих Голядкиных я в одном

присутственном месте повстречал, меня тогда едва удар не сразил. Диво! А Родю, знакомого вашего, я на Сенной подобрал. Больно интересным он мне показался. Нищ, оборван, но выдумщик великий, — Федор Михайлович усмехнулся, припоминая ту памятную встречу. — Всех, всех их я лично повстречал, потому и живут и здравствуют они теперь так же, как и я сам. Тут, дорогой Никита Андреевич, мудрёного нет ничего.

— Это и всё, Фёдор Михайлович? — вырвалось у Никиты.

— Как есть всё, нечего добавить. А Родю и Алёшу вы не слушайте, они-то, конечно, в своём праве, но уж больно любят умы неокрепшие раззадоривать. Вы поезжайте себе, с богом, в Москву. Мой вам совет: избегайте случая побывать здесь, на квартире, то есть это и вам легче, и нам спокойнее будет. Устал я от вашего брата. — Достоевский встал, этому же примеру последовал и Никита. — Не смею вас более задерживать, милейший Никита Андреевич. Благ вам земных и небесных. Прощайте!

Едва Никита успел вымолвить «до свидания», как хозяин квартиры испарился.

Выталкивающая Никиту сотрудница музея на сей раз уже грозила вызвать полицию и заявить о незаконном проникновении в учреждение культуры.

Москва

Краснокаменная встретила Никиту сильнейшим ливнем и шквалистым ветром. Стоя под навесом на привокзальной площади, он прикидывал, куда направиться первым делом: зайти домой или сразу в редакцию. Наконец решился напрямик идти к заму и представить свою статью, которую написал ночью в поезде. Его распирало от желания как можно скорее показать свой материал. И Никита был собой доволен.

Минуя секретаря, с которым необходимо было уладить кое-какие вопросы, касающиеся командировки, Никита подошёл к двери зама. Аккуратно постучав, он вошёл.

— О! Вернулся уже? Привет. Присаживайся, — Юрий Сергеевич был чем-то очень занят, поэтому обращался к посетителю несколько отвлечённо.

— Здравствуйте! Я принёс вам статью, — сказал Никита и присел напротив.

— Какую статью? — будто и забыл зам.

Никита не был готов к такому повороту.

— Ну... О Достоевском... Вы говорили, нужно...

— А, ну да, ну да. Помню, — перебил Никиту зам. — Ну так что? Клади на стол. Как прочту, сразу вызову тебя. Ясно, да?

— Ясно, — умерив свой пыл, ответил Никита и вышел.

Желая скоротать время, перед тем как его начальник во всеуслышание объявит его гением современной литературной критики, Никита устроился за своим рабочим столом с чашечкой ароматного фруктового чая. Попытался было уйти в очередной мечтательный заплыв, представляя, как начальник будет нахваливать статью, его интеллектуальные способности, но ничто не спасало от томительного ожидания. И даже фруктовый бриз от дымящейся чашки, как раньше, не мог уменьшить нервозность ситуации. Никита рассмотрел всё вокруг, что только может быть увидено самым наблюдательным в мире человеком. Затем принялся припоминать подробности своей статьи, прокручивал в голове особенно удачные, по его мнению, обороты, которые ввернул, любовался самим ходом мысли. Ему казалось, что его статья — то, к чему он стремился, копаясь в сотнях скучных и никому не интересных заметок

для газеты, та самая золотая рыбка, за которой он столько лет нырял в океан фантазий, а теперь наконец-то ухватил за хвост.

Обессиленный и успокоенный этим ожиданием, Никита задремал. Его разбудило пиликанье телефона на столе. Никита тут же оживился и рывком снял трубку, из которой услышал короткое «зайди».

В кабинете, предложив подчинённому присесть, Юрий Сергеевич сразу перешёл к делу.

— Как ты провёл время в Питере? В музее, говоришь, побывал?

— Да. Конечно. И не один раз.

— Ясно. Город понравился тебе? — спрашивал начальник без особого интереса к тому, что отвечал ему Никита.

— Понравился, только погода плохая была...

— Никита, измученный ожиданием, пытался уловить настроение зама.

— Я прочёл твою статью. И...

— И?... — раскрасневшийся от волнения Никита сгорал от нетерпения, от даже немного привстал со стула.

— Ты вот что... Поищи себе новую работу. — Никита хлопал веками, не понимая того, что сейчас услышал. — Да, и ещё. Будешь во внеочередном отпуске, посети психиатра. Ясно, да?

□

Дмитрий САЗОНОВ

родился в 1990 году.

С отличием окончил физический факультет ГГУ имени Ф. Скорины.

Литературным творчеством начал заниматься в студенческие годы.

Ранее нигде не публиковался.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

В настоящее время работает учителем физики в гимназии.

Живет в Гомеле.

